Никулин Юрий Владимирович 20.12.2001

Я вас люблю

В тот день, когда мы встречались, Татьяна Николаевна НИКУЛИНА была озабочена домашним заданием, полученным от внуков и переданным ее сыном, директором цирка на Цветном Максимом Никулиным. Внукам понадобились карнавальные костюмы. Список прилагался: маски, плащ Снегурочки, мешок с веревкой, костюм морской гадины. С этой гадиной вышла некоторая заминка: кто ее знает, в чем она ходит? Кому этот вопрос кажется пустяшным, ошибается. Во всяком случае, Татьяна Николаевна подошла к нему с ничуть не меньшим вниманием, чем к обсуждению предстоящего в цирке вечера, посвященного 80-летию Юрия Владимировича Никулина. А тут еще я со своими вопросами, продиктованными почтением к юбилейной дате. И хотя попытка представить себе гадину несколько снизила юбилейный пафос, все положенные вопросы были заданы: может, мы напечатаем что-нибудь из неопубликованного? Из заповедных архивов? Откроем завесу над любовной перепиской?

– Да нет у нас никаких особенных архивов. Знаете, с одной стороны, Юрий Владимирович ценил себя, и ценил высоко. А с другой – не знал себе цену. Потому и не хранил ничего специально. И писем у меня не осталось. Мы ведь практически не расставались. Если ему предстояли гастроли или киносъемки на натуре, мы всегда ездили вместе. Только когда сын Максим родился, я не смогла поехать с цирком в Швецию. Но такие случаи были столь редки, что их можно пересчитать по пальцам.
...Есть, правда, одно потрясающее письмо, написанное миллион лет назад. Но я его не покажу.

Татьяна Николаевна и Юрий Владимирович в гостиной «ОГ» 13 декабря 1996 г.

Глазами *жены* клоуна

18 декабря Юрию Никулину исполнилось бы 80 лет

– Вы тогда только начали встречаться?

– Мы тогда только влюбились. Я попросила его написать мне пожелание к Новому году. Юрий Владимирович лежал в больнице, 31 декабря я пришла его навестить и получила сложенную рулончиком записку. Она у меня хранится до сих пор. В телевизионной программе Эльдара Рязанова «Шесть вечеров» я впервые напомнила Юрию Владимировичу об этой записке и дала перечесть. Даже не могу описать его реакцию: это было и душевное потрясение, и волнение, и умиление, и радость, что записочка сохранена.

– А что все-таки он вам пожелал?

– Этого никто не узнает: в той программе Юра читал про себя. Господи, ну что там могло быть написано? Пожелания счастья, удачи, чтобы я оставалась такой же хорошей, какой он меня знает.

– А почему дело происходило в больнице?

– Ох... Это уже, наверное, читатели наизусть выучили. Неужели опять все сначала рассказывать? Я училась на факультете садоводства и декоративного цветоводства Тимирязевской академии. Уже тогда очень любила лошадей, увлекалась конным спортом. У нас на конюшне обитало уродливое существо: туловище, как у взрослого коня, а ножки коротенькие, как у жеребенка. Об этом смешном коникекарлике – его звали Лапоть – узнал клоун Карандаш. Ему показалось, будет смешно, если после нормальных лошадей будут выпускать Лаптя. Карандаш поручил нам, нескольким девочкам, заняться примитивной дрессурой: научить Лаптя откликаться на кличку, становиться на коленки и давать ногу.

Когда задание было выполнено, Карандаш пригласил нас, чтобы рассчитаться. Привел в гримуборную, где на каком-то ящике сидел длинный, нескладный и очень симпатичный молодой человек: в те годы Юрий Владимирович был у Карандаша в учениках. Карандаша неожиданно вызвали в главк, он попросил Юру нас развлечь. А Юра пригласил на свое выступление. В номере Карандаша Юрий Владимирович изображал публику: Карандаш вызывал его из зала учиться ездить на лошади, Юра выходил и делал разные трюки.

– Другими словами, был подсадной уткой?

– Мы в цирке называем это «подсадкой». Получилось так, что в назначенный день я пошла в цирк одна. Юра ездил на лошади задом наперед, переваливался через круп, падал в опилки. Наконец, вроде бы взгромоздился как надо –

тить: он же все-таки девушку пригласил, а тут такое.

– Не всякую молоденькую девушку привлечет клоун. Не самая, согласитесь, романтичная профессия.

– А меня это не смущало. Понимаете, Юра был удивительно обаятельным человеком. От него будто бы исходила аура тепла и доброты. Именно благодаря обаянию он, далеко не красавец, был столь привлекателен. Помню, как я впервые привела Юру к нам домой: он сразу и навсегда очаровал мою маму. Наш дом всегда был музыкальным, а Юра прекрасно пел. Да и с юмором у нас было нормально, а Юра уже тогда рассказывал анекдоты. Так что неудивительно, что с того дня мама всегда оказывалась на стороне Юры, даже если у нас, не дай бог, возникали разногласия. Юра – это был бог и царь.

– До исторического похода «на Никулина» вы были частой посетительницей цирка?

– В детстве меня водил в цирк папа. До сих пор помню, как кормила с ладошки лошадей морковкой. Тогда было можно: лошадей специально готовили к антракту, надевали султаны, раздавали желающим нарезанную дольками морковь.

– Выходит, судьба? Все сложилось неслучайно?

– А в судьбе никогда случайностей нет. На то она и судьба. В 1967 году в Канаде проходила международная выставка Экспо. Каждая страна, стараясь перещеголять друг друга, представляла свои аттракционы. Но всех заткнули за пояс чехи. В их павильоне показывали кино: раз пять за сеанс фильм останавливался, и зрители должны были нажать на одну из двух вмонтированных в подлокотники кнопок. Нажмешь на красную – девушка будет встречаться с одним кавалером, выберешь зеленую – с другим. Сюжет продолжался в зависимости от выбора публики. Но что бы зритель ни выбирал, история все равно сводилась к одному финалу. Потому что судьба.

– Юрий Владимирович красиво ухаживал?

– Он не умел особенно ухаживать. Мы ходили в кино, он заглядывал к нам домой, ничего особенного. И цветы дарил редко: они с родителями очень трудно жили. Но от него шло такое удивительное тепло, что ухаживаний не требовалось. Знаете, если честно, я даже не помню, как он мне сделал предложение. Просто сказал что-то вроде: «Тань, давай поженимся». Юрий Владимирович произнес это месяца через два после того, как выписался из больницы. Я согласилась, попросив лишь, чтобы он погово-

на Юру глаз, и «обезопасилась».

– Как получилось, что с тех пор вы не расставались? Ездили с цирком в качестве жены?

– Почему? Ездила как артистка цирка. Участвовала в репризах. Но я никогда не была клоуном, за мной закрепилось «положительное» амплуа. То я была девушкой, влюбленной в Юру, то разыгрывала его партнера Шуйдина, то изображала хозяйку собаки, спасающей меня от «бандитов» – Миши и Юры. Как-то раз даже старушкой была.

– Вы жили открытым домом?

– Всегда.

– И вы, конечно, всегда у плиты.

– Не особенно. Я, признаться, не очень люблю готовить. Но куда было деваться? Хотя наших гостей не особенно занимало то, что на столе. Важнее было пообщаться, попеть, потанцевать.

– Юрий Владимирович любил танцевать?

– Нет, что вы. Танцевала преимущественно я. А Юра рассказывал анекдоты. Сначала он их записывал, и эта тетрадка сохранилась до сих. А когда тетрадка кончилась, придумал записывать не весь анекдот, а помечать ключевые слова. Если они не помогали и анекдот забывался, звонил Максиму: о чем это?

– А пижоном Юрий Владимирович был?

– О-о... Это была просто катастрофа. Нормально одеть его было совершенно невозможно, и следить приходилось ежедневно. Он запросто мог нацепить синий галстук и красные носки. Главное, чтобы было комфортно. Но больше всего любил разношенные тапочки и видавшие виды пиджаки. В любом магазине, за любой границей, сразу отыскивал стульчик в углу, просил пепельницу и терпеливо ждал, пока я одену его, себя, семью и знакомых.

– Какой из подарков Юрия Никулина вам наиболее ценен?

– 30 роз на тридцатилетие нашей свадьбы. А вот ему было очень сложно что-нибудь подарить. Потому что его и без меня постоянно «задаривали», причем самые простые люди. До сих пор не могу раз-

вали, что после представления весь цирк лежал.

– А у Юрия Владимировича был любимый тост?

– Если пили за его здоровье, он всегда снижал пафос. Говорил что-то вроде «обожаю, когда за меня пьют». А любимый тост, он не слишком приличный. Он любил повторять «за нас с вами и за хрен с ними».

– Юрий Владимирович был образцовым отцом?

– Он очень помогал мне, когда родился Максим. Но заниматься сыном стал только тогда, когда Максюшка подрос: к несоображающим детям Юрий Владимирович относился спокойно. Когда Максим начал что-то понимать, отец много с ним возился. Рисовал то, что сейчас называется комиксами. У меня остались целые простыни этих рисунков. У Максима была любимая книжка «Приключения Жакони» писателя Магалифа. И этот Жакони стал героем всех историй, которые придумывал и рисовал Юрий Владимирович. Мужики – они и есть мужики. Все его картинки были связаны с войной, какими-то побегами, забегами и подкопами. Шли нескончаемые бои, в которых главный герой Жакони всегда одерживал верх над своими врагами, мифическими гипонцами. А еще специально для Максима Юрий Владимирович сконструировал эпидеоскоп. Это такая штука, с лампочкой и экранчиком, с помощью которой можно показывать нарисованные в зеркальном изображении картинки.

Юрию Владимировичу было безумно много дано. Хотя родители, честно говоря, никогда не занимались воспитанием его художественного вкуса. Например, он очень плохо знал живопись. Но, входя в музей, всегда безошибочно угадывал шедевр. Ничего не зная о Ван Гоге или Матиссе, всегда мог определить, где один, а где другой.

– Как получилось, что Юрий Владимирович начал сниматься в кино?

– Был такой цирковой автор по фамилии Поляков. По его предложению Юрий Владимирович снялся в небольшом эпизоде в фильме

ников». Хотя больше всего любил сниматься именно в комедиях: ему это было легко. Но, конечно, получал удовольствие от работы с такими режиссерами, как Кулиджанов и, несмотря на все трудности, Герман.

– Герман уже тогда был непрост?

– Проблемы были. Леша – жесткий режиссер. Но настоящий. И если Юра, приходя со съемок, ругался, что Герман, например, вымораживает его в ледяном вагоне – стремится к правде жизни, я всегда повторяла: «Наверное, он прав. В теплом вагоне такой атмосферы не добиться».

– Юрий Владимирович часто отказывался от ролей?

– Частенько. Он всегда советовался, всегда давал мне прочесть сценарии и спрашивал мое мнение. Но если когда-то говорил «нет», то никогда об этом не жалел. Это я жалела. Что не снялся, например, в «Иронии судьбы» или «Берегись автомобиля», ведь роль Деточкина была написана специально для него. И проба была потрясающая. Но цирковое начальство не отпустило на съемки.

– Цирк всегда был на первом месте?

– Цирк был родным домом. И этим все сказано.

– А о драматической сцене Юрий Владимирович не задумывался?

– В свое время Игорь Ильинский приглашал Никулина в Малый театр, обещал передать все свои роли. Но он не хотел идти в театр. Не потому что боялся сцены или публики. Мне кажется, он просто боялся текста. Притом что Юрий Владимирович был наделен фантастической памятью на стихи и анекдоты, с текстом у него была катастрофа. В кино это не страшно, а на сцене... Хотя даже в кино у него случались проблемы со слишком дотошными сценаристами. Вот с Леонидом Гайдаем в этом смысле работать было очень легко.

– В вашей жизни было утро, когда Никулин проснулся знаменитым?

– Наверное, это случилось после выхода фильма «Пёс Барбос и необыкновенный кросс». Но после этой картины его стали пригла-

цин был, что называется, с пунктиками: тут и йога, и патологическая чистоплотность. Он, например, все время спрашивал: Юра, ты вымыл руки? Юра, это не бери, это грязное. И хотя однажды мы были у Вицина в гостях, близкие отношения не заладились.

– Всероссийская слава приносила какие-нибудь радости? Хотя бы нечаянные?

– Слава приносила пользу. Причем чисто прагматическую. У нас дома Юра занимался снабжением. Ему было достаточно зайти к директору любого магазина, чтобы выйти с полными сумками еды. Но я хочу сказать, что тут играла роль не только слава. Он вообще практически не получил за свою жизнь ни одного отказа. Это фантастика.

– А поклонницы у Юрия Владимировича были?

– Я никогда его не ревновала. Он же не был героем-любовником. Ни по внешности, ни по характеру. Так что ни о чем не знаю и, наверное, не хочу знать.

– Татьяна Николаевна, Господь с вами. Я имела в виду невинных поклонниц таланта...

– Эти были, как без них.

Как-то мы работали в Ленинграде, ехали в машине и решили остановиться, зайти в букинистический магазинчик. А Юрий Владимирович совершенно не мог ходить по улицам: его сразу узнавали и окружали плотным кольцом. И в тот раз, когда мы вылезли из машины, сразу оказались оцеплены толпой желающих получить автограф. Я не выдержала, сказала: хватит, Юр, поехали. И вдруг меня оттолкнула какая-то баба, заявившая: «Ладно-ладно, «поехали». Сама попользовалась, так дай попользоваться и нам».

– И письма писали?

– Еще бы! На все просто невозможно было ответить. У нас до сих пор хранятся мешки и коробки с посланиями. Юрий Владимирович всегда просматривал почту, какие-то письма помечал: надо ответить. Скажем, обязательно отвечал однополчанам, к которым относился очень трепетно, хотя и не любил рассказывать о войне. Даже я практически ничего не знаю о его во-

нится 60 лет, он уйдет с манежа. Потому что клоун не может быть старым и жалким. Клоун должен быть смешным, легким и подвижным.

Юрию Владимировичу предложили стать начальником главка. На что он ответил: я еще пока с ума не сошел. А уже позже поступило предложение возглавить цирк на Цветном, на которое он согласился.

– У вас не было возражений?

– А зачем бы я стала сопротивляться? Во-первых, Юре всегда нужны были люди, он не мог существовать в одиночестве. Даже когда мы уезжали на дачу, он уже через три дня места себе не находил: надо в цирк поехать, повстречаться с тем-то и тем-то, кое-что решить. Это было безнадежно.

Но он не был директором-администратором. Скорее, основой, этаким причалом. Дверь в его кабинет всегда была открыта, и у стола всегда гужевался народ. В цирке есть совет директоров, и, по большому счету, все важные решения принимаются коллегиально. Но после смерти Юрия Владимировича у всех было ощущение, что рухнула стена, на которую привыкли опираться.

– Вы были рады, что сын Максим продолжил семейное дело?

– Мы были довольны. Хотя его приходу в цирк предшествовала трагедия: убили заместителя директора Мишу Седова. И отец растерялся: он никогда не решал финансовых вопросов, ничего в них не понимал, это была прерогатива Миши. Максим, который в то время переживал безвременье на телевидении, просто взялся помочь. Поначалу приходил на час-два, потом Юрий Владимирович предложил ему стать замом. А когда отец умер, общее собрание попросило Максима стать директором. И мне кажется, это правильно. Было бы больно, если бы цирк ушел в другие руки. Все-таки это цирк Никулина.

– «Отец» – так Юрия Владимировича называли дома?

– Да нет, просто так его называл Максим. Я же всегда звала по имени. А в цирке Юрия Владимировича называли «дед», он это знал, и ему это нравилось.

– А у вас было домашнее имя?

– Было. Но вам я его не скажу.

Знаете, я до сих пор не могу понять одну вещь. Как ему удавалось... Вот он написал книжку «Почти серьезно». Написал о людях цирка, о людях кино, о себе. Ни слова не наврал. Но ни словом и не обнажился. И мне тоже кажется, человек не имеет права представать перед другими, что называется, «во всей красе». Мы все проходим если не через прегрешения, то через внутреннюю борьбу, не всегда достойную. Зачем о ней рассказывать?

– Вы в семье поддерживали культ Никулина?

– Напротив, я скорее давала ему по шапке. Особенно в молодости, когда Юра любил порассуждать, эдакий «актер-актерыч». Я тут же включалась: «Чего-чего? Ну-ка повтори?» Конечно, я всегда понимала, что жила с неординарным человеком. Но ведь известно, что великое видится на расстоянии. Так что полностью я это осознала только после Юриной смерти.

– Вы прожили с человеком 47 лет и говорите о тайне. Вы, должно быть, счастливая женщина.

– Знаете, когда Юру везли на Новодевичье, сигналили все встречные машины. На внутренней стороне Садового кольца стояла гигантская глухая пробка. А мы ехали по правой, наружной стороне, и вся пробка гудела. Нас просто сопровождали автомобильные гудки. Люди выходили, становились у машин и нажимали на клаксон... Со мной рядом ехал Юрий Михайлович Лужков. Он сказал: «Татьяна Николаевна, я видел много похорон, но такие – вижу впервые».

Понимаете, это сложно объяснить. Он был близок всем. Начиная с пропащих уголовников и заканчивая президентом. И всегда говорил со всеми одинаково, не меняя ни тона, ни языка. Когда Ельцин позвонил поздравить

поехать с цирком в Швецию. Но такие случаи были столь редки, что их можно пересчитать по пальцам. ...Есть, правда, одно потрясающее письмо, написанное миллион лет назад. Но я его не покажу.

Глазами жены клоуна

18 декабря Юрию Никулину исполнилось бы 80 лет

– Вы тогда только начали встречаться?

– Мы тогда только влюбились. Я попросила его написать мне пожелание к Новому году. Юрий Владимирович лежал в больнице, 31 декабря я пришла его навестить и получила сложенную рулончиком записку. Она у меня хранится до сих пор. В телевизионной программе Эльдара Рязанова «Шесть вечеров» я впервые напомнила Юрию Владимировичу об этой записке и дала перечесть. Даже не могу описать его реакцию: это было и душевное потрясение, и волнение, и умиление, и радость, что записочка сохранена.

– А что все-таки он вам пожелал?

– Этого никто не узнает: в той программе Юра читал про себя. Господи, ну что там могло быть написано? Пожелания счастья, удачи, чтобы я оставалась такой же хорошей, какой он меня знает.

– А почему дело происходило в больнице?

– Ох... Это уже, наверное, читатели наизусть выучили. Неужели опять все сначала рассказывать? Я училась на факультете садоводства и декоративного цветоводства Тимирязевской академии. Уже тогда очень любила лошадей, увлекалась конным спортом. У нас на конюшне обитало уродливое существо: туловище, как у взрослого коня, а ножки коротенькие, как у жеребенка. Об этом смешном коникe-карлике – его звали Лапоть – узнал клоун Карандаш. Ему показалось, будет смешно, если после нормальных лошадей будут выпускать Лаптя. Карандаш поручил нам, нескольким девочкам, заняться примитивной дрессурой: научить Лаптя откликаться на кличку, становиться на коленки и давать ногу.

Когда задание было выполнено, Карандаш пригласил нас, чтобы рассчитаться. Привел в гримуборную, где на каком-то ящике сидел длинный, нескладный и очень симпатичный молодой человек: в те годы Юрий Владимирович был у Карандаша в учениках. Карандаша неожиданно вызвали в главк, он попросил Юру нас развлечь. А Юра пригласил на свое выступление. В номере Карандаша Юрий Владимирович изображал публику: Карандаш вызывал его из зала учиться ездить на лошади, Юра выходил и делал разные трюки.

– Другими словами, был подсадной уткой?

– Мы в цирке называем это «подсадкой». Получилось так, что в назначенный день я пошла в цирк одна. Юра ездил на лошади задом наперед, переваливался через круп, падал в опилки. Наконец, вроде бы взгромоздился как надо – «научился». Лошадь шла галопом, а Юру подтягивали за лонжу, и кончался номер тем, что лошадь бегала по кругу самостоятельно, а Юра летал вокруг манежа.

Но на том представлении финал был иным. Юру уже опустили на манеж, а лошадь не успели остановить. И он оказался под крупом. Лонжа попала лошади в пах, она взбрыкнула, забила ногами... Спас Юру Карандаш: бросился под лошадь и отцепил лонжу. Юру унесли на носилках.

Я кинулась за кулисы узнать, что и как. А когда услышала, что его увезли в Склиф, решила навестить: он же все-таки девушку пригласил, а тут такое.

– Не всякую молоденькую девушку привлечет клоун. Не самая, согласитесь, романтичная профессия.

– А меня это не смущало. Понимаете, Юра был удивительно обаятельным человеком. От него будто бы исходила аура тепла и доброты. Именно благодаря обаянию он, далеко не красавец, был столь привлекателен. Помню, как я впервые привела Юру к нам домой: он сразу и навсегда очаровал мою маму. Наш дом всегда был музыкальным, а Юра прекрасно пел. Да и с юмором у нас было нормально, а Юра уже тогда рассказывал анекдоты. Так что неудивительно, что с того дня мама всегда оказывалась на стороне Юры, даже если у нас, не дай бог, возникали разногласия. Юра – это был бог и царь.

– До исторического похода «на Никулина» вы были частой посетительницей цирка?

– В детстве меня водил в цирк папа. До сих пор помню, как кормила с ладошки лошадей морковкой. Тогда было можно: лошадей специально готовили к антракту, надевали султаны, раздавали желающим нарезанную дольками морковь.

– Выходит, судьба? Все сложилось неслучайно?

– А в судьбе никогда случайностей нет. На то она и судьба. В 1967 году в Канаде проходила международная выставка Экспо. Каждая страна, стараясь перещеголять друг друга, представляла свои аттракционы. Но всех заткнули за пояс чехи. В их павильоне показывали кино: раз пять за сеанс фильм останавливался, и зрители должны были нажать на одну из двух вмонтированных в подлокотники кнопок. Нажмешь на красную – девушка будет встречаться с одним кавалером, выберешь зеленую – с другим. Сюжет продолжался в зависимости от выбора публики. Но что бы зритель ни выбирал, история все равно сводилась к одному финалу. Потому что судьба.

– Юрий Владимирович красиво ухаживал?

– Он не умел особенно ухаживать. Мы ходили в кино, он заглядывал к нам домой, ничего особенного. И цветы дарил редко: они с родителями очень трудно жили. Но от него шло такое удивительное тепло, что ухаживаний не требовалось. Знаете, если честно, я даже не помню, как он мне сделал предложение. Просто сказал что-то вроде: «Тань, давай поженимся». Юрий Владимирович произнес это месяца через два после того, как выписался из больницы. Я согласилась, попросив лишь, чтобы он поговорил с мамой.

Мама дала «добро», и Юрий Владимирович уехал с Карандашом на Кавказ на гастроли: мы решили, что так мы сможем проверить свои чувства. Чувства выдержали, и 21 мая мы расписались. После чего прожили вместе 47 лет и не маялись ни дня.

– Свадьба пела и гуляла?

– На особенные безумства не было денег. Мы пригласили только родителей и одного Юриного друга.

– И ни одной вашей подружки?

– Подружку я не звала. Вовремя догадалась, что она «положила» на Юру глаз, и «обезопасилась».

– Как получилось, что с тех пор вы не расставались? Ездили с цирком в качестве жены?

– Почему? Ездила как артистка цирка. Участвовала в репризах. Но я никогда не была клоуном, за мной закрепилось «положительное» амплуа. То я была девушкой, влюбленной в Юру, то разыгрывала его партнера Шуйдина, то изображала хозяйку собаки, спасающей меня от «бандитов» – Миши и Юры. Как-то раз даже старушкой была.

– Вы жили открытым домом?

– Всегда.

– И вы, конечно, всегда у плиты.

– Не особенно. Я, признаться, не очень люблю готовить. Но куда было деваться? Хотя наших гостей не особенно занимало то, что на столе. Важнее было пообщаться, попеть, потанцевать.

– Юрий Владимирович любил танцевать?

– Нет, что вы. Танцевала преимущественно я. А Юра рассказывал анекдоты. Сначала он их записывал, и эта тетрадка сохранилась до сих. А когда тетрадка кончилась, придумал записывать не весь анекдот, а помечать ключевые слова. Если они не помогали и анекдот забывался, звонил Максиму: о чем это?

– А пижоном Юрий Владимирович был?

– О-о... Это была просто катастрофа. Нормально одеть его было совершенно невозможно, и следить приходилось ежедневно. Он запросто мог нацепить синий галстук и красные носки. Главное, чтобы было комфортно. Но больше всего любил разношенные тапочки и видавшие виды пиджаки. В любом магазине, за любой границей, сразу отыскивал стульчик в углу, просил пепельницу и терпеливо ждал, пока я одену его, себя, семью и знакомых.

– Какой из подарков Юрия Никулина вам наиболее ценен?

– 30 роз на тридцатилетие нашей свадьбы. А вот ему было очень сложно что-нибудь подарить. Потому что его и без меня постоянно «задаривали», причем самые простые люди. До сих пор не могу раздать все оставшиеся лосьоны. Пожалуй, больше всего Юра ценил, когда я просто подойду, поцелую, скажу лишний раз: мы с Максимом с тобой.

– А почему сына назвали Максимом?

– Мы с самого начала решили, что родим сына Максимку. Так в это верили, что о девчачьем имени даже не задумывались. Когда я рожала, Юрий Владимирович был на гастролях в Ленинграде. Но примчался, конечно, в первый же выходной. Говорят, когда в тамошний цирк пришла телеграмма о появлении Максима, так отпраздновали, что после представления весь цирк лежал.

– А у Юрия Владимировича был любимый тост?

– Если пили за его здоровье, он всегда снижал пафос. Говорил что-то вроде «обожаю, когда за меня пьют». А любимый тост, он не слишком приличный. Он любил повторять «за нас с вами и за хрен с ними».

– Юрий Владимирович был образцовым отцом?

– Он очень помогал мне, когда родился Максим. Но заниматься сыном стал только тогда, когда Максюшка подрос: к несоображающим детям Юрий Владимирович относился спокойно. Когда Максим начал что-то понимать, отец много с ним возился. Рисовал то, что сейчас называется комиксами. У меня остались целые простыни этих рисунков. У Максима была любимая книжка «Приключения Жакони» писателя Магалифа. И этот Жакони стал героем всех историй, которые придумывал и рисовал Юрий Владимирович. Мужики – они и есть мужики. Все его картинки были связаны с войной, какими-то побегами, забегами и подкопами. Шли нескончаемые бои, в которых главный герой Жакони всегда одерживал верх над своими врагами, мифическими гипонцами. А еще специально для Максима Юрий Владимирович сконструировал эпидеоскоп. Это такая штука, с лампочкой и экранчиком, с помощью которой можно показывать нарисованные в зеркальном изображении картинки.

Юрию Владимировичу было безумно много дано. Хотя родители, честно говоря, никогда не занимались воспитанием его художественного вкуса. Например, он очень плохо знал живопись. Но, входя в музей, всегда безошибочно угадывал шедевр. Ничего не зная о Ван Гоге или Матиссе, всегда мог определить, где один, а где другой.

– Как получилось, что Юрий Владимирович начал сниматься в кино?

– Был такой цирковой автор по фамилии Поляков. По его предложению Юрий Владимирович снялся в небольшом эпизоде в фильме «Девушка с гитарой». Сыграл изобретателя фейерверков: у него взрывалась ракета, и вся высокая комиссия, принимающая этот самый салют, залезала под стол. А от самого изобретателя оставалась одна шапочка. Потом открывалась дверь, вновь появлялся изобретатель, в руках – ракета раза в три больше, и говорил: не ту взял, сейчас повторим. Комиссия опять лезла под стол. Этот эпизод оказался самым смешным в картине, и после него Юру начали приглашать в кино.

Самой неудачной своей картиной он считал «Стариков-разбойников». Хотя больше всего любил сниматься именно в комедиях: ему это было легко. Но, конечно, получал удовольствие от работы с такими режиссерами, как Кулиджанов и, несмотря на все трудности, Герман.

– Герман уже тогда был непрост?

– Проблемы были. Леша – жесткий режиссер. Но настоящий. И если Юра, приходя со съемок, ругался, что Герман, например, вымораживает его в ледяном вагоне – стремится к правде жизни, я всегда повторяла: «Наверное, он прав. В теплом вагоне такой атмосферы не добиться».

– Юрий Владимирович часто отказывался от ролей?

– Частенько. Он всегда советовался, всегда давал мне прочесть сценарии и спрашивал мое мнение. Но если когда-то говорил «нет», то никогда об этом не жалел. Это я жалела. Что не снялся, например, в «Иронии судьбы» или «Берегись автомобиля», ведь роль Деточкина была написана специально для него. И проба была потрясающая. Но цирковое начальство не отпустило на съемки.

– Цирк всегда был на первом месте?

– Цирк был родным домом. И этим все сказано.

– А о драматической сцене Юрий Владимирович не задумывался?

– В свое время Игорь Ильинский приглашал Никулина в Малый театр, обещал передать все свои роли. Но он не хотел идти в театр. Не потому что боялся сцены или публики. Мне кажется, он просто боялся текста. Притом что Юрий Владимирович был наделен фантастической памятью на стихи и анекдоты, с текстом у него была катастрофа. В кино это не страшно, а на сцене... Хотя даже в кино у него случались проблемы со слишком дотошными сценаристами. Вот с Леонидом Гайдаем в этом смысле работать было очень легко.

– В вашей жизни было утро, когда Никулин проснулся знаменитым?

– Наверное, это случилось после выхода фильма «Пёс Барбос и необыкновенный кросс». Но после этой картины его стали приглашать исключительно на роли пьяниц. Возможно, так бы и продолжалось, если бы не Кулиджанов. Именно он убедил Юрия Владимировича сыграть в фильме «Когда деревья были большими». Хотя, прежде чем согласиться, Никулин долго раздумывал. Но Кулиджанов стоял насмерть и отказывался пробовать кого-нибудь другого.

– Вас не раздражала спаянность трио Вицин – Моргунов – Никулин?

– Это была обычная работа. Мало ли кому что не нравится? Дружбы-то особенной у нас никогда не было. С Моргуновым мы были совсем разные люди. И Вицин был, что называется, с пунктиками: тут и йога, и патологическая чистоплотность. Он, например, все время спрашивал: Юра, ты вымыл руки? Юра, это не бери, это грязное. И хотя однажды мы были у Вицина в гостях, близкие отношения не заладились.

– Всероссийская слава приносила какие-нибудь радости? Хотя бы нечаянные?

– Слава приносила пользу. Причем чисто прагматическую. У нас дома Юра занимался снабжением. Ему было достаточно зайти к директору любого магазина, чтобы выйти с полными сумками еды. Но я хочу сказать, что тут играла роль не только слава. Он вообще практически не получил за свою жизнь ни одного отказа. Это фантастика.

– А поклонницы у Юрия Владимировича были?

– Я никогда его не ревновала. Он же не был героем-любовником. Ни по внешности, ни по характеру. Так что ни о чем не знаю и, наверное, не хочу знать.

– Татьяна Николаевна, Господь с вами. Я имела в виду невинных поклонниц таланта...

– Эти были, как без них.

Как-то мы работали в Ленинграде, ехали в машине и решили остановиться, зайти в букинистический магазинчик. А Юрий Владимирович совершенно не мог ходить по улицам: его сразу узнавали и окружали плотным кольцом. И в тот раз, когда мы вылезли из машины, сразу оказались оцеплены толпой желающих получить автограф. Я не выдержала, сказала: хватит, Юр, поехали. И вдруг меня оттолкнула какая-то баба, заявившая: «Ладно-ладно, «поехали». Сама попользовалась, так дай попользоваться и нам».

– И письма писали?

– Еще бы! На все просто невозможно было ответить. У нас до сих пор хранятся мешки и коробки с посланиями. Юрий Владимирович всегда просматривал почту, какие-то письма помечал: надо ответить. Скажем, обязательно отвечал однополчанам, к которым относился очень трепетно, хотя и не любил рассказывать о войне. Даже я практически ничего не знаю о его военных годах. Не так давно перебирала документы – у меня не сразу хватило сил заняться архивом – и вдруг обнаружила записки, написанные на фронте перед прорывом блокады Ленинграда. Я позвонила в ленинградский журнал «Звезда», и эти записки напечатали. Но я даже не догадывалась об их существовании. Он не рассказывал о войне. Хотя 9 мая мы всегда праздновали.

– Решение об уходе с манежа далось вам тяжело?

– На манеж мы перестали выходить одновременно. Юра заранее решил, что, когда ему исполнилось ...

– Вы были рады, что сын Максим продолжил семейное дело?

– Мы были довольны. Хотя его приходу в цирк предшествовала трагедия: убили заместителя директора Мишу Седова. И отец растерялся: он никогда не решал финансовых вопросов, ничего в них не понимал, это была прерогатива Миши. Максим, который в то время переживал безвременье на телевидении, просто взялся помочь. Поначалу приходил на час-два, потом Юрий Владимирович предложил ему стать замом. А когда отец умер, общее собрание попросило Максима стать директором. И мне кажется, это правильно. Было бы больно, если бы цирк ушел в другие руки. Все-таки это цирк Никулина.

– «Отец» – так Юрия Владимировича называли дома?

– Да нет, просто так его называл Максим. Я же всегда звала по имени. А в цирке Юрия Владимировича называли «дед», он это знал, и ему это нравилось.

– А у вас было домашнее имя?

– Было. Но вам я его не скажу.

Знаете, я до сих пор не могу понять одну вещь. Как ему удавалось... Вот он написал книжку «Почти серьезно». Написал о людях цирка, о людях кино, о себе. Ни слова не наврал. Но ни словом и не обнажился. И мне тоже кажется, человек не имеет права представать перед другими, что называется, «во всей красе». Мы все проходим если не через прегрешения, то через внутреннюю борьбу, не всегда достойную. Зачем о ней рассказывать?

– Вы в семье поддерживали культ Никулина?

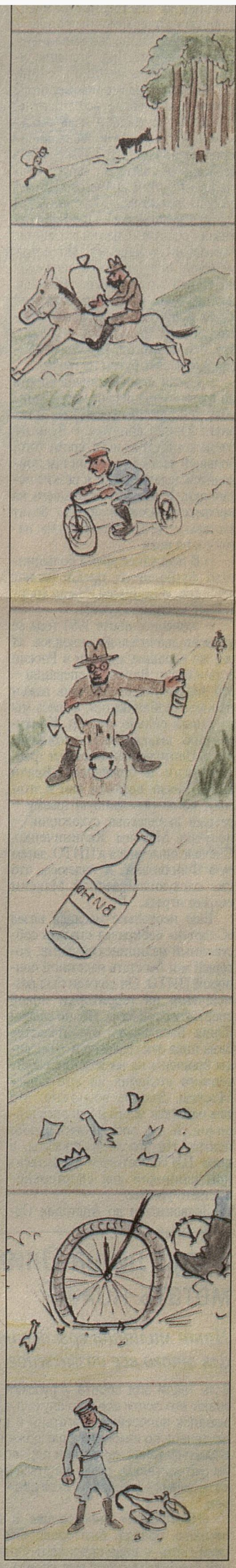
– Напротив, я скорее давала ему по шапке. Особенно в молодости, когда Юра любил порассуждать, эдакий «актер-актерыч». Я тут же включалась: «Чего-чего? Ну-ка повтори?» Конечно, я всегда понимала, что жила с неординарным человеком. Но ведь известно, что великое видится на расстоянии. Так что полностью я это осознала только после Юриной смерти.

– Вы прожили с человеком 47 лет и говорите о тайне. Вы, должно быть, счастливая женщина.

– Знаете, когда Юру везли на Новодевичье, сигналили все встречные машины. На внутренней стороне Садового кольца стояла гигантская глухая пробка. А мы ехали по правой, наружной стороне, и вся пробка гудела. Нас просто сопровождали автомобильные гудки. Люди выходили, становились у машин и нажимали на клаксон... Со мной рядом ехал Юрий Михайлович Лужков. Он сказал: «Татьяна Николаевна, я видел много похорон, но такие – вижу впервые».

Понимаете, это сложно объяснить. Он был близок всем. Начиная с пропащих уголовников и заканчивая президентом. И всегда говорил со всеми одинаково, не меняя ни тона, ни языка. Когда Ельцин позвонил поздравить Юрия Владимировича с 75-летием, он как лежал в кровати, так и продолжал лежать. Понимаете? А сколько мы знаем примеров, когда человек вскакивает и вытягивается по стойке «смирно». Уже после смерти Юрия Владимировича мы говорили о нем с Максимом, и Максим сказал: наверное, мы до сих пор не поняли, что такое был Никулин. Я понимаю, что эти слова звучат выспренно и абстрактно, но это правда. Он как будто унес с собой свою тайну.

Беседовала
Юнна ЧУПРИНИНА



«Кадры» из многосерийного комикса Юрия Никулина. Публикуются впервые

Общая газета

Главный редактор номера: Виталий ЯРОШЕВСКИЙ
Газета зарегистрирована в Мининформпечати РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054
© Общая газета. Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, **ссылка на «ОГ» обязательна**
Правовое обслуживание газеты осуществляет Адвокатское Бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Арт-директор: Андрей МАЛЬКОВ
Отдел рекламы: Тел.: 915-75-23, 915-26-06, e-mail: lvov@og.ru
Отдел региональных проектов: Тел.: 915-78-50, e-mail: deeva@og.ru
Связи с общественностью: Зоя ВОЛОВЕЦ Тел.: 915-70-40, e-mail:pr@og.ru

Вёрстка компьютерного центра «Общей газеты»
Технический директор Валерий МАКАРОВ
П.Р. *С этим знаком, а также в рамках публикуются пресс-релизы, информационно-коммерческие материалы. Редакция не несет ответственности за содержание рекламных текстов*

Отдел распространения: Александр РЕБРИК. Тел.: 915-53-89
Общий тираж «ОГ» – **214946 экз.** (региональный – 152000 экз.)
Цена свободная
Розничное распространение в Московском Метрополитене Группа компаний «ПАБЛИК ПРЕСС» в С.-Петербургском Метрополитене ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в ИД «Медиа-Пресса». 125993, ГСП-3, Москва, А-40, ул. Правды, 24
Номер подписан в печать 19.12.2001 г. Заказ 3347. 1 2 3

Наш подписной индекс: 32138

Адрес редакции: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 1. **Справки по телефону:** 915-22-88; факс 915-51-71, **e-mail:** secretar@og.ru. **Электронная версия «ОГ» в Internet: www.og.ru** (а также в базах данных www.park.ru; www.nns.ru; www.integrum.ru; www.russianstory.com). **Адрес «Гостиной «ОГ»:** 121151, Москва, Кутузовский пр., д. 22

Егор ЯКОВЛЕВ – **главный редактор.** Юрий СОЛОМОНОВ – **первый заместитель главного редактора.** Анатолий КОСТЮКОВ, Виталий ЯРОШЕВСКИЙ – **заместители главного редактора.** Елена РЫМКО – **заместитель главного редактора, директор по развитию.**
Редакторат: Дмитрий ДОКУЧАЕВ, Владимир КИСЕЛЕВ, Наталия КЛОЧКО, Игорь НАЙДЕНОВ, Юрий ПАТРИН, Мария СЕДЫХ, Борис ЮНАНОВ.
Дирекция выпуска: Елена БОГОМОЛОВА, Евгений СЕМЕНОВ, Светлана КАРТАШЕВА (корректура). **Руководители направлений:** Елена КОКУРИНА (наука), Наталья КРАМИНОВА (этика), Илья МЕДОВОЙ (мировоззрение), Марина ТОКАРЕВА (редактор «ОГ»-Петербург), Елена УСОВА (информационное обеспечение), Дмитрий ФИЛИПЧЕНКО (спорт).
Обозреватели: Бахтияр АХМЕДХАНОВ, Олег ВЛАДЫКИН, Максим ГЛИКИН, Ирина ДЕМЕНТЬЕВА, Виктор ЛИТОВКИН, Ирина ПЕТРОВСКАЯ, Альберт ПЛУТНИК, Юрий РОСТ, Борис СИНЯВСКИЙ, Елена ТОКАРЕВА, Юнна ЧУПРИНИНА.
Представители за рубежом: Эльмира АХУНДОВА (Баку), Павлюк БЫКОВСКИЙ (Минск), Аркадий ВАКСБЕРГ (Париж), Наталья ГОЛИЦЫНА (Лондон), Владимир ГОЛОВИН (Иерусалим), Лариса ДЯЧУК (Киев), Наталья ЛОПАТИНСКАЯ (Вильнюс), Федор РЮРИКОВ (Прага), Алексей СЛАВИН (Берлин), Армен ТИГРАНЯН (Ереван), Борис ШЕСТАКОВ (Будапешт). Елена ПАНОВА – **финансовый директор.** Елена БОГДАНОВА – **помощник главного редактора.**